*Виктор Вахштайн*

# Джон Ло: социология между семиотикой и топологией

*Навязчивой идеей девятнадцатого века была история – с ее темами развития и замедления, кризиса и цикла… Нынешняя же эпоха будет, скорее всего, эпохой пространства.*
М. Фуко. Об иных пространствах

*…Нельзя ли при помощи усовершенствования нашей геометрической интуиции придать научный смысл массе более тонких образов и схем, которые обеспечили бы отрывочным явлениям удовлетворительное качественное истолкование?*
Р. Том. Структурная стабильность и морфогенез

Работы британского исследователя науки и техники, профессора Ланкастерского Университета Джона Ло практически неизвестны российскому читателю. Если допустить, что имя социолога в повседневном обиходе научной коммуникации есть знак, то имя Джона Ло – это не знак-символ, отсылающий к некоторой идее (например, оригинальной авторской теории), а, скорее, знак-индекс – указывающий на другие, более «говорящие» имена. В частности, имена Джона Урри и Брюно Латура.

С Дж. Урри Ло связывает десятилетие совместных исследований современных типов мобильности. Отсюда – их общая установка на изучение подвижных, изменчивых форм социальной координации, апелляция к метафоре «сети» и общая же аксиоматика анализа: замена интуиции тотального, гомогенного, самодостаточного общества образом гетерогенного, гибридного мира, находящегося в непрестанном движении[1]. Исследования «*мира в движении*» начинаются с исследований «*движения в мире*»: производства мобильностей и индустрии перемещений. (Неслучайно, конференция, организованная Центром изучения мобильностей Ланкастерского Университета в 2004 году, была посвящена роли велосипеда в конституировании местного сообщества.) Эта специфика исследовательского взгляда легко прослеживается в предлагаемой вниманию читателей работе Джона Ло – в той ее части, где описывается португальская колониальная экспансия. Ло интересует, прежде всего, техническая составляющая данного исторического феномена – пиренейская мореходная техника: галеоны и средства навигации конституировали «большие» исторические общности (империи), подобно тому, как велосипеды и автомобили[2] конституируют современные локальные сообщества (кампусы и «профессорские поселки»). Внимание к техническим аспектам социального мира, к мобильностям и перемещениям – это визитная карточка «ланкастерского стиля» социологического исследования; стиля, который в равной мере присущ и Дж. Ло, и Дж. Урри.

[1] См., например, Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. London and New York: Routledge, 2000.
[2] См.: Urry J. Inhabiting the car // published by the Department of Sociology, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN, UK, 2003. <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Urry-Inhabiting-the-Car.pdf>.

С Брюно Латуром Джона Ло связывает работа по созданию акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT).[3] У истоков ANT изначально стояли три автора – Б. Латур, Дж. Ло и Мишель Каллон. С середины 90-х годов принципы разработанного ими направления активно используются в социологических исследованиях информационных систем[4] и генной инженерии[5]. В социальной географии находит применение предложенная Латуром метафорика «множественных пространств» и «гетерогенных сетей»[6], а также ряд положений «социальной топологии» Дж. Ло[7]. В экономике и экономической социологии особенно продуктивной оказалась критика Каллоном многочисленных «сетевых подходов», игнорирующих включенность материальных объектов в сети обмена и взаимодействия[8]. У всех версий акторно-сетевого подхода есть общая черта – пристальное внимание к материальным объектам. Основной недостаток современной социологической теории, по утверждению Латура, Ло и Каллона, состоит в недостаточной концептуализации «объектности» социального мира. Соответственно, каждый из теоретиков ANT ищет собственный способ органичного включения материальных объектов в схемы социологического рассуждения.

В конце 90-х гг. выделились две ветви акторно-сетевого подхода. Парижская ветвь, представленная Латуром и Каллоном, развивает общетеоретические и методологические интенции ANT. Предложенная Латуром «реляционная онтология» (или «онтология гибридного мира») на сегодняшний день составляет альтернативу социальному конструктивизму Пьера Бурдье. Вторая, ланкастерская ветвь акторно-сетевой теории представлена в первую очередь работами Ло, а также исследованиями Эннмари Мол (Mol), Мадлен Акрич (Akrich), Нильса Альбертсена (Albertsen), Виктории Синглтон (Singleton). Хотя не все эти социологи работают и преподают в Ланкастере, их тексты составляют общий корпус исследований науки и техники, объединенных предложенной Ло теоретической рамкой. Ланкастерскую версию акторно-сетевого подхода от парижской отличает обилие проводимых эмпирических исследований, а также некоторые теоретические «отступления» от магистральной (латуровской) линии акторно-сетевого анализа. Эти «отступления» иллюстрируют собственно теоретический потенциал работ Дж. Ло и его коллег.

Первое и наиболее любопытное отличие работ Ло состоит в том, что у Латура и Каллона «сеть» – это социологическое понятие, характеристика глобализованного, распределенного в пространстве и времени человеческого взаимодействия, поделенного на дискретные «мобильности» и опосредованного объектами. Ло ограничивается семиотической интерпретацией «сети», делая шаг навстречу постструктурализму, распространяя на материальные объекты ту же релятивистскую логику рассуждений, какую поструктуралистская семиотика применила к элементам знаковых систем.[9] Как замечает Ло, «семиотика (в европейском десоссюровском варианте синхронической лингвистики) показывает, что значение всякого слова относительно, то есть конституировано отношениями различия между данным словом и другими связанными с ним словами. Например, слова «собака» и «кошка». Каждое из этих слов приобретает значение благодаря отличию от другого и каждое из них соотносимо с иными именами: «собака», «кошка», «волк», «щенок» и т.д. Значение слова произвольно, хотя и сильно детерминировано сетью отношений различия. По сути, оно представляет собой результат этих отношений». Также и

---

[3] Исследование этой теоретической конструкции было предпринято нами в *Вахштайн В.С.* Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2004. Т.3. №4. (www.sociologica.ru/articles.html).

[4] Tatnall A., Gilding A. Actor-Network Theory and information systems research // 10th Australasian Conference on Information Systems. Wellington, 1999.

[5] Бертильсон М. Второе рождение природы: последствия для категории «социальное» // Социс. 2002. №9.

[6] Amin A., Thrift N. Cities. Reimagining the Urban. London: Blackwell, 2002. P. 82-88.

[7] Thrift N. Spatial formations. London: Sage, 1996.

[8] Callon M. Introduction // The Laws of the Markets / Ed. by M. Callon. Oxford: Blackwell, 1998.

[9] Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network and After / Ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999. P. 4.

материальные объекты – суть «относительные случайности», детерминированные отношениями различия. «Объекты, – пишет Ло, – являются “*производными” некоторых устойчивых множеств или сетей отношений*. Наше фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны».

Рассуждения Ло о неизменности и изменяемости объекта сродни рассуждениям де Соссюра об изменчивости и неизменности знака.[10] Ло, как и де Соссюр, подчеркивает связь свойства изменчивости/неизменности объекта (знака) с дискретностью/непрерывностью его существования. Объект существует дискретно и обособленно лишь благодаря непрерывности своих связей с другими объектами. «Например, корабль, – пишет Ло, – может быть представлен в виде сети – сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками и купцами может быть описана в тех же категориях».

В данном описании все предметы исследования рассматриваются как «объекты» – корабль, навигационная система, португальская империя. Объектами их делают устойчивые связи и отношения друг с другом. Особый акцент на устойчивости: «Штурманы, противники-арабы, ветра и течения, команда, складские помещения, орудия: если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем, он не тонет, не превращается в щепки, напоровшись на тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведенным в Аравийское море. Он не пропадает, не теряется, до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом. Корабль определяется своими отношениями с другими объектами и акторно-сетевой анализ направлен на исследование стратегий, которые производят (и, в свою очередь, произведены) этой *объект*ностью, синтаксисом или дискурсом, определяющими место корабля в сети отношений». Разрыв сети отношений кладет конец дискретной объектности.

Все вышесказанное – пример успешного импорта «семиотической метафоры» в социологическое описание. Объекты здесь уподобляются знакам; связующие их отношения – отношениям означания. Приняв точку зрения Ло, мы уже не можем, модифицируя формулу Маркса, говорить, что «*объект есть ансамбль социальных отношений*». Объект действительно определяется сетью отношений различия, но отношения эти не могут быть однозначно идентифицированы как «социальные» (например, «социальные отношения производства и потребления»). Скорее, «социальность» – равно как и «объектность» – является продуктом данных отношений. «Общество» не присутствует имманентно в сети отношений, узловыми точками которой являются «объекты», оно не детерминирует их, и не скрывает истинного источника причинности. Отношения предшествуют всякой сущности – как «социальной», так и «материальной»[11].

Обращение к семиотической метафоре в социологической теории – явление столь распространенное, что сам по себе этот теоретический ход Ло вряд ли можно назвать оригинальным. Его эвристическая ценность обусловлена отказом от радикального социологизма, который всегда в той или иной степени имплицируется семиотическими аналогиями. Социологическое воображение подсказывает: объект легко может быть описан на языке социологии как знак, маркер, идентификатор социального явления, скрытого от глаз, но проявляющего себя в данном конкретном материальном объекте. Дорогой

---

[10] де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Под ред. Р.И. Шор. М.: КомКнига, 2006. С. 81 - 85.

[11] Ло усматривает в тезисе «отношения предшествуют сущности» сходство с сартровским принципом «существование предшествует сущности». Соответственно, само различение «социальное/материальное» в акторно-сетевом анализе не признается онтологически данным и требует пересмотра (так называемый «принцип генерализованной симметрии»).

автомобиль – знак классового статуса, дом аборигена – проекция его представлений об устроении вселенной, телефон – материализация «узла» коммуникационной сети, космический корабль – признак технологического развития общества, предметы обстановки – реквизит в спектакле, именуемом «повседневными взаимодействиями». Ряд может быть продолжен: социология декодирует вещи, проблематизируя их социальные «означаемые» и одновременно делая непроблематичными их материальные «означающие». Отказываясь видеть в «обществе» подлинное основание «материальных объектов», Ло высвобождает свой предмет изучения: теперь и «автомобиль», и «статус» – равно проблематичны, они произведены сетью связывающих их отношений. (Данную позицию разделяет и Латур.)

Впрочем, эта обновленная версия семиотической метафоры (примененной к материальным объектам в социальном мире) вряд ли составила бы заметную альтернативу внушительным теоретическим построениям «парижской ветви» акторно-сетевого подхода, если бы не дополнялась продуктивной и оригинальной *топологической метафорой*. Сеть отношений трактуется Ло как топологическая система, определенная «форма пространственности». Пространство – есть порядок объектов, объекты – суть пересечения отношений. Изменение отношений, приводит не только к изменениям самих объектов, но и к изменениям «форм пространтвенности». Изучение формы и соотношений объектов входит в задачи дисциплины, которую Лейбниц называл «analysis situs» – топологии. Ло формулирует исследовательскую программу, которую можно назвать «социальной топологией». Ее основные положения таковы: «Во-первых, – пишет Ло, – я настаиваю на том, что производство объектов …имеет пространственные следствия; и, далее, что пространство не самоочевидно и не единично, но имеются *множественные формы пространственности*. Во-вторых, я предполагаю, что использование объектов само создает *пространственные условия возможности и невозможности*. Пространственности порождаются и приводятся в действие расположенными в них объектами – именно этим определяются границы возможного. (Следуя первому утверждению, стоит упомянуть, что пространственные возможности по своему характеру также множественны.) Существуют различные формы пространственностей; те, о которых говорим мы, включают в себя регионы, сети и потоки. В-третьих, я предполагаю, что эти *пространственности и объекты, которые заполняют и создают их, плохо совместимы, т.е. находятся в напряженных отношениях*».

Вернемся к примеру с португальским галеоном. Как объект, корабль пространственно или топологически множественен. («Он занимает – а также преобразует – два типа пространства. Географическое и семиотическое (сетевое)»). Он неизменен в каждой из форм пространства и сохраняется в обоих: физически – в географическом пространстве, функционально или синтаксически – в семиотическом (сетевом) пространстве. Двигается он только в географическом пространстве. Напротив, в пространстве сетей он неподвижен, никакого изменения отношений между компонентами не происходит. (А если происходит, значит, что-то не так, значит это уже другой объект.) Именно неподвижность в сетевом пространстве делает возможным его перемещение в пространстве географическом, позволяя переплывать из Калькутты в Лиссабон с грузом специй. Перемещение из точки А в точку В некоторого объекта происходит благодаря устойчивости отношений между различными элементами сети, в которой этот объект находится. Если произойдет смещение в пространстве сетей (то есть, если изменятся конституирующие объект отношения), корабль просто перестанет быть «кораблем X с грузом Y, следующим курсом Z», а станет чем-то иным: обломками корабля, «летучим голландцем» или просто деревом для костра.

Такое «смещение» в топологии называется «катастрофой». Можно указать на две характеристики «катастрофы»: разрыв непрерывности формы (дисконтинуальность) и необратимость. Тополог Рене Том проиллюстрировал это следующим примером: «Если форма А – лист бумаги, и если я его сминаю, то есть придаю ему вид В, А может быть непрерывно деформирован в В и наоборот В в А, если листок разгладить. А и В – два вида одного объекта. Но если я разрываю листок, т.е. придаю ему вид С, я получаю новый объект,

поскольку переход А в С необратим»[12]. Разрыв формы (на языке топологии – «утрата гомеоморфизма») дает начало новой форме, происходит «морфогенез». В терминах Ло: смещение положения корабля в сетевом пространстве означает разрыв его сетевой «формы», переход становится необратимым и корабль перестает быть кораблем, становясь чем-то иным.

Обратимся к примеру, весьма далекому от построений Дж. Ло, зато близкому социологической классике. Королевский дворец – как объект – неподвижен и в пространстве географическом, и в пространстве сетей. Дворец «возможен», потому что есть архитектор, способный его себе вообразить, есть зодчие, обладающие необходимой квалификацией, есть материалы, пригодные для строительства, есть монарх, изъявивший желание иметь летнюю резиденцию, есть двор, готовый переехать в нее, наконец, есть место, отведенное под этот дворец, и средства, выделенные на его строительство. Допустимы изменения в данной «сетевой формуле» объекта, которые не приведут к утрате им своей формы: один монарх сменится другим, изменится общественный вкус и некоторые залы будут перестроены, английский парк будет заменен французским, но объект останется королевским дворцом, потому что при всех трансформациях он сохраняет некое «ядро устойчивых отношений». Другие же изменения в «сетевой формуле» объекта станут «катастрофой» – например, революция и крах монархии. Тогда произойдет смещение в сетевом пространстве: дворец станет музеем, складом, парламентом или руинами.

Превращение дворца в руины – явление морфогенеза, образования новой формы. Значит ли это что больше никакие отношения не конституируют заброшенные развалины некогда пышного дворца? Отнюдь, нет. Просто теперь данные отношения не «производят» публичную социальность[13], но руины так же занимают «место» в сетевом пространстве, имеют свою сетевую форму (ее специфика была блестяще интерпретирована Г. Зиммелем[14]). Допустим теперь, что руины эти никогда не были дворцом, что они изначально построены как руины, дабы радовать глаз гостей в парке местного аристократа. Такие «искусственные» руины занимают принципиально иное место в сетевом пространстве и потому не тождественны руинам дворца, даже если идентичны им «в материале». Точно так же руины крепости не тождественны декорациям руин крепости, построенным специально для съемок исторического фильма.

Объект остается тождественным себе пока (при всех трансформациях) сохраняет некое «ядро устойчивых отношений». Что происходит, если объект, потеряв «ядро устойчивых отношений», трансформируется до неузнаваемости? Разрыв формы. Однако то, что является разрывом формы в пространстве сетей, не является им в иной топологической системе, описанной Джоном Ло, в *пространстве потоков*. В этом пространстве изменение отношений – необходимое условие конституирования объекта. Однако данный феномен составляет отдельный предмет исследований «социальной топологии» Ло.

Заметим, что Ло – первый автор, обратившийся к теоретическим ресурсам топологического мышления для решения проблем современной социологии (например, проблемы «изменчивой мобильности»). Однако развитие топологической метафоры началось задолго до него. Первыми такую экспансию топологических категорий инициировали сами топологи. Упомянутый выше Рене Том использовал топологические концептуализации для исследований в области теоретической биологии. Его работа «Структурная устойчивость и морфогенез» (1968) была восторженно встречена биологами. К. Н. Уоддингтон, один из классиков современной биологии, писал: «…в 1940 году в моей книге я настаивал на необходимости развития топологии биологических явлений. В последующие годы, не владея математическим аппаратом даже на любительском уровне, я ничего не мог сделать для воплощения моего предложения. Тем больше я благодарен Рене

[12] Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002.
[13] Хотя руины вполне могут быть вовлечены в производство иных форм социальности, следы которой остаются в виде надписей на их стенах и разнообразного мусора на остатках пола.
[14] Зиммель Г. Руина // Избранное. Т. 2. М.: Юрист, 1996.

Тому, который взялся за эту сферу с таким размахом. Том как раз и попытался показать детально и точно, как общие закономерности, с которыми сталкивается биология, могут рассматриваться как структуры в многомерном пространстве»[15]. За этой книгой последовала другая «экспансионистская» работа Р. Тома «Топология и лингвистика»[16], впрочем, встреченная лингвистами с гораздо меньшим энтузиазмом, чем «Структурная устойчивость» – биологами. (Хотя до появления работы Тома Роман Якобсон неоднократно подчеркивал, что понятие «инварианта», которое он считал одним из центральных понятий лингвистики, наиболее полно может быть представлено средствами топологии.)

Что стоит за обращением социологии к топологической метафоре? Прежде всего, стремление дать новую концептуализацию «формы», условиям ее устойчивости и изменчивости, непрерывности и дискретности. От «формальной социологии» Г. Зиммеля до «фрейм-анализа» И. Гофмана не прекращались попытки создания фундаментальной социальной морфологии, науки о формах социальной координации. Топология, с ее стремлением дать строгое (но не количественное) описание трансформирующихся форм становится притягательным теоретическим ресурсом для осмысления опыта подвижного, изменчивого («текучего», в понятиях «социальной топологии») мира.

Можно сказать, что Джону Ло не повезло. Работая бок о бок с двумя влиятельными современными теоретиками – Джоном Урри и Брюно Латуром – он остается в их тени, его имя в социологической коммуникации отсылает, скорее, к их именам, чем к его собственным работам. Однако, если всякое имя конституировано отношениями – читателей, переводчиков, редакторов, практикующих исследователей и теоретиков – изменение порядка этих отношений окажется также изменением положения имени Ло в сетевом пространстве публичной социологической коммуникации.

[15] Уоддингтон К.Н. Предисловие // Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002.

[16] Том Р. Топология и лингвистика / Пер. с франц. с предисл. Ю. И. Манина // Успехи математических наук. 1975. Т. XXX. Вып. 1. С. 199-221.